

ЛИТУРГИЯ И ХРАМ У ГОГОЛЯ

Лоренцо Амберг

/Цюрих/

Как известно, Гоголь постоянно возвращался к вопросу об истолковании и понимании собственного творчества путем многочисленных внелитературных высказываний /публицистики, личных и публичных писем, дополнений и предисловий, исповеди/. В этих комментариях Гоголь настаивает на созидательной, нравственной и христианской сущности своих сочинений. Писатель - особенно в поздний период жизни - добивается того, чтобы его творчество понимали как "незримые ступени к христианству" /Н.В. Гоголь. ППС, АН СССР, 1940-1952, т. VIII, с. 269/. В какой мере намерения Гоголя-публициста соответствуют реальному наличию христианских мотивов в художественных произведениях? Если всмотреться в художественные произведения Гоголя, то в них можно заметить элементы христианского мирозерцания - правда, они иногда скрыты и часто выражают идеал методом изображения отрицательной действительности. Установить эти элементы удастся путем исследования литургической и вообще церковной тематики. Если рассмотреть те места, где говорится о храме и о богослужении, становится ясно, что мы нигде не имеем дело со случайными фрагментами бытовой реальности; особенно сцены, происходящие в храмах, имеют без исключения ключевую повествовательную и смысловую функцию.

Исходным пунктом исследования именно этой темы для меня служили гоголевские "Размышления о божественной литургии", которые занимали автора последние семь лет жизни. Притом, Гоголь, лично зная богослужение православной церкви с раннего детства, приписывает ему в "Размышлениях" решающее духовное значение для индивидуума и обновляющую силу для общества. Я считаю, что, во-первых, существует тес-

нейшая связь между "Размышлениями" и предыдущим творчеством, во-вторых, что ни литургическая тема, ни сами "Размышления", ни их взаимосвязи недостаточно - если вообще - изучены критикой. В рамках краткого сообщения ограничусь указанием лишь на главные аспекты моей темы.

1/ Если рассмотреть три цикла украинских повестей с точки зрения столкновения со злом, можно разделить персонажей, побеждающих зло, и персонажей, побеждаемых злом. Самым показательным примером, прямо парадигмой первого типа является Вакула из "Ночи перед Рождеством". Вакула - не только кузнец, но и певец храмового хора и церковный художник. "Торжество его искусства", как говорит рассказчик, - картина, на которой святой Петр в день страшного суда изгоняет из ада злого духа. /с. 203/. Он вооружен даром художественного изображения, его видение - победа над дьяволом - становится как бы моделью последующей повествовательной действительности. Вакуле на самом деле предстоит целый ряд приключений с сатаной. Однако кузнец умеет перехитрить врага и подчинить его себе - он гонит его теми же кнутами, которые он изобразил на своей картине.

Для нас особенно интересна сцена возвращения Вакулы из Петербурга в утро Рождества. Вся деревня "еще до света" собралась в церкви; прихожане становятся в привычный порядок, отражающий иерархические социальные отношения. Не все собравшиеся - набожные люди, и рассказчик их описывает со снисходительной симпатией: светские радости уже заранее определяют чувства многих прихожан. Но в этот раз и предстоящему разговению, и молитве мешает отсутствие Вакулы. "Все миряне заметили, что праздник, как будто не праздник; что как будто все чего-то недостает." /I, 241/. Индивидуальный поступок Вакулы - своевольная и опасная сделка с дьяволом - негативно сказывается на всей общине, на всем собрании. Сам Вакула явно ощущает свое отсутствие на важ-

ной рождественской службе, которую он проспит, как божественное наказание за легкомысленную поездку верхом на дьяволе. Успокаивается он лишь обещанием скоро исповедаться и принести покаяние.

Отметим, что здесь деревенская община еще цела; она совпадает с общиной верующих - миряне образуют деревенский мир, и герой-победитель зла является составной частью и деревенского общества, и церковной общины.

2/ Самый поразительный пример победы зла над человеком в украинских повестях мы встречаем пожалуй в "Вие" /помимо "Страшной мести" и "Ивана Купалы"/. Хома Брут - воспитанник Киевской духовной семинарии, где он получает отвлеченное и поверхностное образование. Плохо подготовленный к жизни и духовной брани "философ" понесет поражение в борьбе с ведьмой. Храм, где он должен читать псалтырь три ночи подряд над умершей, заброшен. В нем, как сказано, "давно уже не отправлялось никакого служения." /II, 200/. Многолюдная кухня, где Хома днем старается забывать ночные ужасы, наряду с пустой церковью как бы символизирует отсутствие духовной жизни в этом месте. Не мудрено, что здесь демоническое - призвание ведьмой злых духов - преодолевает слово Божие - прочитанный недостойным Хомой псалтырь.

После нашествия демонов и смерти Хома храм окончательно теряет свое назначение, он прямо перестает быть церковью, так что "даже священник, при виде такого посягательства божией святости, не посмел служить панихиду в таком месте". /II, 217/. Это церковь, к которой, как сказано жутким образом, "никто не найдет теперь дороги". /т.ж./.

Этот процесс упразднения церкви имеет огромное значение для дальнейшего творчества Гоголя. Здесь, в Вие, весьма конкретно и пока еще с помощью фантастики происходит событие, от которого в поздних произведениях останется лишь результат. Результат этот - мир, где церковь вообще отсутствует, где человек даже дорогу к ней не находит, мир

"Ревизора" и "Мертвых душ".

3/ Но пока продолжается процесс опустошения церкви. Повесть о "двух Иванах" обрамляют две сцены, происходящие в миргородском храме. Вначале мы встречаем ханжеского Ивановича: каждое воскресенье он ходит в церковь, поет в хоре. Но и каждый раз после службы жестоко разгоняет нищих с крыльца. В дальнейшем, как известно, оба Ивана отданы на произвол страстей, которые на них налетают как налетели на Хому демоны: имя их многостяжание, зависть, гнев, памятозлобие, ненависть. Спустя 12 лет, рассказчик в дождливый праздничный день заглядывает в церковь: она пуста, народу почти никого. Но, к своему удивлению, рассказчик там встречается упрямых спорщиков, каждого на своем месте. Здесь, как видим, вторглись в храм уже не летящие фантастические демоны, а долговечная ссора; ее внесли в церковь упорствующие враги. Осквернение храма стало внутренне-реальным. Назначение храма и богослужения здесь уже вполне расходятся с действительностью: место всеобщего празднования пустеет, и те два, кто пришли, недостойны, ибо, как пишет Гоголь позже в "Размышлениях о божественной литургии",

/. . . / "всякий предстоящий / . . . / спеша примирится с теми, против которых питал какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствие - всем им спешит дать мысленно лобзание / . . . / ибо без этого он будет мертв для всех следующих священнодействий / . . . / /Соч. Н.В. Гоголя, изд. 10-ое /Н. Тихонравов/, т.4, с. 443/.

1/ В "Носе" известная встреча майора Ковалева со своим носом происходит в Казанском соборе. Петербургская цензура перенесла эту сцену в Гостиный двор, в то время как Гоголь настаивал на том, чтобы сцена произошла именно в церкви, пусть даже в католической /см. письмо к Погодину, т. X, с. 355/. Какую функцию имеет место действия? Пустота Казанского собора напоминает нам концовку повести о двух Иванах, где, как было сказано, в церкви как бы скрепляет-

ся разъединение бывших неразлучных друзей. Нельзя ли в "Носе" видеть историю разъединения двух до того "неразлучных", органически связанных частей? Разве и здесь не скрепляется бессмысленное разъединение именно в храме? Ведь ханжеский, высокомерный нос в мундире во время службы делает вид, что он своего недавнего "носителя" не узнает. Гоголь в повести прибегает к абсурду, но если снять сюрреалистическую ставку, то в Казанском соборе встречаются просто две "личности" /или две сферы одной и той же личности/, из которых одна - нос - своевольно возвысилась над другой и теперь ее избегает. Этот разрыв, бывшего единства в конечном счете вызван произвольным эгоизмом носа, и поэтому смог бы быть "вылечен" именно в церкви, в смиренном обращении к Богу. Но никто этой возможностью не пользуется, ни притворяющийся набожным нос, ни суетный и пустой Ковалев, ни остальные посетители собора. Тем самым храм перестал быть местом особенным, местом молитвы и покаяния. Он ныне ничем не отличается от шумного Невского проспекта. Свою специфическую функцию как примиритель человека с Богом и с ближним он больше не выполняет. - Вот возможный подход к пониманию этой сцены; вытекая из сравнения двух, на мой взгляд аналогичных храмовых сцен, он соответствует и общему характеру петербургских повестей.

2/ Работая над "Шинелью", Гоголь между 1-ой и 2-ой редакцией снял священника, который раньше еще присутствовал на крещении Акакия Акакиевича. Мне кажется, что отсутствие священника при воцерковлении младенца тут символизирует лишение человека видимого присутствия Церкви. Ведь хотя он крещен и тем самым формально является ее членом, Акакий Акакиевич всю свою жизнь проводит вне церкви, и ни при его смерти, ни на похоронах не выступит священник. А ведь именно он, нищий духом, одинокое дитя, беззащитное существо, нуждался бы в помощи и в поддержке. Но гоголевский житель

Петербурга, города сурового, безличного, холодного, оставлен и своей Церковью. Думается, что здесь можно увидеть скрытую критику того учреждения, которое Мережковский называет "исторической Церковью".

К категории заброшенных жителей Петербурга принадлежит и Поприцин, чьи высказывания представляют любопытную смесь умалишенности и разумной правды. Так, например, когда он говорит: "Я хочу видеть человека; я требую пищи, той, которая бы питала и усаждала мою душу.", /III, 204/, то, несмотря на смешной контекст этих слов, приходится принять их всерьез. В недавнем исследовании Поприцин, знаток собачьего языка, но и молитвы, по праву причислен к юродивым. /Т. Горичева, "Юродивые поневоле", машинопись, Париж, 1983/. Это нам помогает лучше оценить раннюю редакцию, к которой и здесь стоит обратиться. Речь идет о конце записок, где измученный в сумасшедшем доме Поприцин вызывает на помощь "матушку", видимо, свою мать /см. III, 314/. В своей монографии о Гоголе Игорь Золотусский /И.З., Гоголь, ЖЭЛ, 1979, с. 168/ приводит такой вариант черновика: "Матушка моя, Царица Небесная!" Таким образом, за выкриком Поприцина, этого "гения жажды любви", по словам того же Золотусского /И.З., Час выбора, М. 1976, с. 229/, скрывается молитвенное обращение к Божией Матери. Возможно, Гоголь вычеркнул религиозный элемент, чтобы показать нам человека во всей своей наготе, в полном одиночестве. Но ранняя редакция, передавая нам первоначальный замысел автора, как водяной знак веры в божью милость лежит под "Записками сумасшедшего".

1/ В "Ревизоре" из всех сословий этой общественной панорамы не представлены военные и духовенство. Изображение последнего на сцене строго запрещалось духовной цензурой; поэтому Юрий Манн считает, что "судить о намерениях автора "Ревизора" в отношении церкви трудно" /Ю.М., Поэти-

ка Гоголя, 1978, с. 197/. Можно, однако, предполагать, что в рамках сатиры Гоголь не хотел подвергать представителей духовенства всеобщему смеху, ведь даже в личных письмах Гоголя нет никаких антицерковных или даже антирелигиозных высказываний. Из довольно многочисленных церковных реалий выбираю лишь один образ. При спешной проверке городских учреждений испуганным городничим оказывается, что церковь при богоугодном заведении /1/ не только не выстроена; она никогда не начиналась, хотя сумма на нее ассигнована вот уже пять лет. /см. IV, 23/24/. Это знаменательная деталь. Между тем, как другие городские учреждения хотя лежат во зле, но стоят, церковь даже не начата. Наряду с комическим контекстом и реальным значением этого факта бесспорно можно его принять в переносном смысле, как символ того "нулевого" места, которое занимает Церковь в гнилом обществе и чисто телесном мире "Ревизора".

2/ Это верно и для "Мертвых душ", так верно, что употребляется даже идентичный образ. Из биографии Чичикова в II-ой главе поэмы мы знаем, что он молодым человеком пристроился в некую строительную комиссию /см. VI, 232/. В одной из ранних редакций она называлась "комиссия построения храма Вожия" /VI, 561/, и как установил В.И. Шенрок /Материалы..., т. 3, с. 431/, речь идет о комиссии сооружения храма Христа Спасителя в Москве.

"Шесть лет возилась /комиссия/ около здания; но климат, что ли, мешал, или материал был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем и в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видимо, грунт земли был там получше."

/VI, 232/

И здесь наряду с исторической реминисценцией - снятой, по всей вероятности, по цензурным соображениям - в первоначальном замысле автора появляется мотив непостроенного храма. Чичиков, циник, аферист, мошенник, содействует нестрое-

нию церкви. Этот факт из его биографии можно отнести и ко всей его деятельности в первой части гоголевской поэмы. Другое свидетельство этого - мимолетная встреча героя с попом в воскресенье утром, в первый же день чичиковских налетов на помещиков /VI, 21/. Каждый идет своей дорогой: священник отправляется в церковь, служить литургию, а Чичиков - к Манилову, мертвые души приобретать.

3/ Любопытно, что мотив строения храма Гоголь - вряд ли случайно - развивает во 2-ой части Мертвых душ, где выступает помещик Хлобуев, умный и истинно набожный человек, но совершенно неспособный к практическому труду. Миллионер-моралист Муразов поручает ему сбор на церковь по всей губернии /см. VII, 103/, и Хлобуев, повинувшись, принимает эту задачу "не иначе, как за указание Божие." /VII, 104/. Так, наконец, гоголевский персонаж принимается за строение храма и Церкви среди общества.

Рядом с постепенной деградацией духовной жизни у гоголевских персонажей есть и попытка изображения "положительной", соответствующей идеалу набожности. Так, во второй редакции "Портрета" показан художник, который очищается от демонического воздействия картины постом и молитвой, в монастыре. Только после многолетнего непрерывного подвига художник берется за писание картины для монастырской церкви. Интересно, что во второй редакции, в отличие от первой, сюжет картины монаха-живописца - Рождество Христова. Тем самым, Гоголь прямо устанавливает связь с художником Вакулой и заглавием "Ночи перед Рождеством", так же как и с краткой притчей из "Арабесок", - "Жизнь". Поэтому вполне закономерно, что Гоголь и в "Размышлениях" ставит акцент на факте воплощения, как замечает комментатор этого сочинения Фэри фон Лилиенфельд¹ на основе того, что Гоголь в объ-

¹ Fairy von Lilienfeld. Gogol als der Verfasser der "Betrachtungen über die Göttliche Liturgie", in: Wegzeichen, Festgabe zum 60. Geburtstag von prof. Dr. Hermenegild Briedermann OSA, Würzburg, 1971, S. 398/.

яснении Проскомидии - первой части литургии - использует символику рождения Христа. Воплощение Бога является для Гоголя уже началом царствия Божия на земле, залогом конкретного спасения греховного мира.

И в обработке другого произведения - "Тараса Бульбы" - существенно усилен религиозный и особенно литургический элемент. Напомню только, что первое, что Андрий, сын Тараса, увидит в осажденном козаками городе, это именно богослужение в католическом монастыре. Служба эта поражает его собранностью и красотой. Она исполняется изнуренными, полумертвыми жителями города /см. II, 96/97/. Искренность, мужество и смирение молящихся в этой сцене придает всей повести новое направление - от слепого национального и конфессионального антагонизма к познанию вероисповедания врага, к уважению к его духовности.

Пример "положительной набожности" мы находим и во фрагменте "Рим": после долгих университетских лет, проводимых в шумном и суетном Париже, римский князь возвращается на родину, приплывает в Геную, и на прогулке по городу впервые за много лет входит в открытый храм, где совершает сердечную благодарственную молитву. Церковь здесь сливается с родиной, принявшей "блудного сына".

Мы видим, что Гоголь в данных произведениях первого римского периода трактовкой церковной темы, с одной стороны, как будто возвращается в более или менее цельный мир украинских рассказов - тема художника-победителя зла - и с другой стороны, обращает свое внимание на католицизм.

"Размышления о божественной литургии"

"Целью этой книги", пишет автор, "показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением." /Тихонравов, с. 412/.

Скромно представляя свое сочинение как своего рода выбор из многих уже существующих толкований, он выражает желание, чтобы каждый читатель понял "необходимый и правильный исход одного действия из другого /.../. Всякому, со вниманием следующему за литургиею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значение ее раскрывается будет само собою." /т.ж./.

Этому тексту до сих пор литературоведением практически не уделено никакого внимания. Единственным научным исследованием "Размышлений", по моим сведениям, является статья теолога-женщины Фэри фон Лиленфельд, появившаяся в 1971 г. в Вюрцбурге /см. прим. на стр. 8 /. Автор, известный историк православной Церкви, рассматривает генезис гоголевского текста, устанавливает использованные Гоголем, в первую очередь, источники.

Автор - и мы вместе с ней - считает, что свою педагогическую задачу - ознакомить молодых и начинающих со смыслом богослужения и очередностью его различных действий - Гоголь удачно выполняет. Примером того служит дифференцированный подход Гоголя к богослужебному тексту. Общеизвестные молитвы, как Символ веры, Отче наш, евхаристический канон и т.д. - он цитирует в церковнославянском оригинале. Тайные же молитвы священника, которых народ не слышит, он переводит на русский. Третий вариант обработки текста - цитата молитвы со вставкой русских слов на месте малопонятных церковнославянских. По мнению автора, Гоголь в этой вполне сознательной, писательской работе над текстом, "блестяще сумел избежать стилистических разрывов и неожиданных переходов с одного языка на другой". /ук.соч., с. 386/.

Верный своему дидактическому принципу общей доступности, Гоголь выбирает из множества материалов, предлагаемых ему разными источниками, лишь самые необходимые сведения о храме, облачениях, утвари и об историческом развитии самой

литургии. Он также, в отличие от "Выбранных мест из переписки с друзьями", где он критикует католицизм, отказывается от всякой конфессиональной полемики. Здесь нет и такого мощного наставнического тона.

Важна констатация исследователя, что Гоголь пишет с точки зрения предстоящего; для него существенно, чтобы все присутствующие как можно более активно и молитвенно участвовали в литургическом действии.

Во второй половине прошлого столетия "Размышления", впервые изданные посмертно Кулишем в 1857 г., впоследствии часто издавались отдельной брошюрой и таким образом действительно играли назначенную им писателем воспитательную роль. Первое критическое издание сделано Тихонравовым в рамках Собрания сочинений в 1889 г. Добавлю, что "Размышления" не включены в Полное собрание сочинений, изданное Академией наук СССР с 1940 по 1952 год., как текст "узко бытового и моралистического характера, не представляющий литературного интереса." /IX, 612/. Это исключение, на наш взгляд, вдвойне не оправдано, ведь мы же здесь имеем дело, как убедительно показывает Фэри фон Лилиенфельд, с текстом, если не художественным в смысле беллетристики, то, по крайней мере, глубоко обдуманным и тщательно оформленным. Кроме того, "Размышления" выражают фундаментальный аспект миропонимания писателя. Но уже ради одной документальной полноты включение этого текста в канон сочинений Гоголя представляется необходимым. Тем самым был бы открыт и путь для исследования этого текста советским литературоведением, что бесспорно привело бы к ценнейшим результатам.

Какое же значение имеет литургия для Гоголя, и чем объясняется его интерес к ней? Он, кажется, первый светский писатель в России, серьезно размышляющий о роли Церкви в обществе. В Церкви он видит "сокровище, которому цены нет; но мы не знаем даже, где положили его." /VIII, 245. "Выбр.

места."/. Гоголь призывает к познанию этого сокровища - Церкви - и к введению его в жизнь каждого. Такую программу он излагает в двух из писем "Выбранных мест". Главной точкой соприкосновения Церкви с народом является литургия. И ее Гоголь "открывает" первым, смотрит на нее новыми глазами, как бы глазами князя Владимира в "Повести временных лет". Так "Размышления" иллюстрируют один из основных замыслов Гоголя.

Для Гоголя литургия - исторический документ в двойном смысле. Она символически изображает земную жизнь, смерть и воскресение Христа, и сама она уже много веков сохраняет свою древнюю форму. Но нельзя понять ее просто как памятник прошлого. Гоголь настаивает на том, что в центральной части литургии - в евхаристии - раскрывается символика культа, уступая место реальному событию: претворение хлеба и вина в тело и кровь Христа - реальность, прямо касающаяся каждого из предстоящих.

Другой аспект - действие литургии на человека. Выходя из храма, он "глядит на всех, как на братьев" /Тихонравов, с. 463/. Литургия в силах исцелить человека от ненависти и вообще от страстей, утверждает писатель. Она и благотворительно действует на общество, и Гоголь произносит эти потрясающие слова: "Если общество еще не совершенно распалось /.../, то сокровенная причина тому есть божественная литургия." /т. 463/. /Возможно, что это убеждение Гоголя создалось под влиянием высказывания Ж. де Местра, который в 1821 г. в 4-ой беседе из знаменитых "Санктпетербургских вечеров" писал: "/.../ Si le culte public /il ne faudrait pas d'autre preuve de son indispensable nécessité/ ne s'opposait, pas ou peu a la dégradation iniverselle, je crois /.../ que nous deviendrions enfin de véritables brutes." /Joseph de Maistre, Les Soirées de Saint-Petersbourg ou Entretiens

sur le gouvernement temporel de la Providence, 6e éd., 1850, t.1, p. 246/. Припомним, что публичное дело - смысл слова литургия - было, как и история, одной из постоянных и самых важных забот гражданина и мыслителя Гоголя. Своей красотой литургия кроме того борется с пошлостью, своей стройностью с моральным хаосом, свойственным многим гоголевским персонажам.

Третий аспект: Литургия своей непрестанной молитвой о здравии живущих и поминовением усопших сопротивляется забвению, которое грозит так часто гоголевским героям, боящимся, что от них, как от ведьм русских сказок, не останется "ни следа ни памяти". Назову лишь странную просьбу Бобчинского, желание Чичикова иметь потомство, требование портрета ростовщиком. В этом же плане литургия преодолевает одиночество, так распространенное в мире Гоголя.

Таким образом, "Размышления", с одной стороны, - продолжение и, так сказать, торжественное увенчание литургической темы. Подчас искаженным формам богослужения в творчестве здесь противопоставлен его идеал. С другой стороны, "Размышления" имплицитно ссылаются на разные индивидуальные и общественные недостатки и пороки, изображенные в художественных произведениях.

В свете приведенных выше данных можно предварительно заключить, что христианские элементы в творчестве Гоголя, эстетическую функцию которых стоило бы подвергнуть дальнейшему изучению, по крайней мере отчасти оправдывают взгляд позднего Гоголя на свои художественные произведения. Элементы эти, наряду с "Размышлениями", подтверждают подчас невидимые или скрытые авторские замыслы, служат одним из подходов к пониманию многослойного и трудного творчества.